

Книжное обозрение *Book Reviews*

DOI: 10.31857/S0205960625020097

EDN: HXIIHE

СИНЕЛЬНИКОВА Е. Ф., СОБОЛЕВ В. С. НА ПУТИ К НОВОМУ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. СПб.: СКИФИЯ-ПРИНТ, 2023. 172 с. ISBN 978-5-98620-675-2

Кривошеина Галина Геннадьевна — Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14;
эл. почта: krivosheina@gmail.com

Книга Е. Ф. Синельниковой и В. С. Соболева «На пути к новому научно-образовательному пространству в первые годы советской власти. Исторические очерки», вышедшая в 2023 г., посвящена драматичному и очень непростому периоду в жизни отечественной науки первого послереволюционного десятилетия. Это было время, когда русские научные и образовательные учреждения — университеты, Академия наук, многочисленные научные общества и др. — боролись за сохранение своей идентичности и возможности продолжать в полном объеме научную и педагогическую деятельность и одновременно пытались найти пути взаимодействия с новой властью, победить ее предвзятость по отношению к «буржуазной интеллигенции», доказать свою полезность в социалистическом строительстве. Помимо участия в развитии традиционных научных и образовательных институтов

(университетов, научных обществ, ассоциаций и т. д.), они, вполне в духе времени, предлагали и новые, поражающие воображение футуристические проекты образовательных центров, музеев и т. п., которые способствовали бы быстрому, эффективному и всестороннему обучению и просвещению трудовых масс населения, в первую очередь пролетарской молодежи.

В качестве примера можно привести грандиозный проект Географического института в Москве, разработанный в 1918 г. в основном усилиями членов Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Московского общества сельского хозяйства. Он предполагал создание масштабного образовательного комплекса, который бы включал лекционные аудитории, исследовательские лаборатории, астрономическую обсерваторию, кинолекторий, «театр путешествий» и

этнографический музей под открытым небом. Но проект этот удалось осуществить только в части, касающейся этнографического музея¹, а Географический институт в Москве тогда так и не появился — он был открыт в декабре 1918 г. в Петрограде. Впрочем, пока центральная власть, а вместе с ней и Академия наук, окончательно не обосновались в Москве, последняя всегда проигрывала Петербургу в подобном соперничестве. Единственным исключением была история с открытием в Москве после Политехнической выставки 1872 г. Музея прикладных знаний, на который Петербург также претендовал².

Хотя большинство масштабных научных, научно-образовательных и музейных проектов, разрабатывавшихся в первое десятилетие существования Советского государства, не получили практического воплощения, это было очень интересное время, время творческого поиска новых форм организации науки и просвещения, новых форм взаимодействия науки и общества, новых методов пропаганды и распространения научных знаний, и его изучение еще может принести историкам науки много важных и интересных открытий. Одним из шагов на этом пути является предлагаемая вниманию читателей книга. Ее авторы, исследуя процесс «формирования нового научно-образовательного пространства в первые годы советской власти»

(с. 13), постарались отойти от существовавшего долгое время в отечественной историографии и ставшего уже традиционным нарратива, заключавшегося, по определению авторов, в «демонстрации плодотворного сотрудничества ученых с советской властью, привлечению “старой интеллигенции” к социалистическому строительству, перевоспитанию спецов» (с. 10), и посмотреть на него с точки зрения самоорганизации научного сообщества, в первую очередь с точки зрения формирования научных связей между его центральным и периферийным сегментами. Такой подход определил и структуру книги, которая состоит из двух частей. В первую вошли «черски, подготовленные на основе материалов по истории деятельности одного из главных научных центров страны — Российской академии наук, ее учреждений и структур» (с. 13), а во вторую — «черски, в которых анализируются изменения, происходившие в научном сообществе на местах» (с. 13). Иными словами, авторы в своей книге используют как бы две различных оптики: взгляд из центра и взгляд с периферии, и это позволяет сделать представленную ими картину более яркой и объемной.

В первую часть книги, подготовленную Соболевым, включены пять очерков, которые посвящены учреждениям Академии наук: Зоологическому музею, Музею антропологии и этнографии, Комиссии по изучению естественных производительных сил России, Центральному бюро краеведения и Академической комиссии по изучению научных сил. В них автор, основываясь на анализе многочисленных архивных документов, подробно анализирует

¹ *Ипполитова А. Б.* История Музея народов СССР в Москве // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 2. С. 144–160.

² *Кривошеина Г. Г.* Анатолий Петрович Богданов и основание Политехнического музея // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2012. № 4. С. 155–179.

научно-организационную, издательскую и просветительскую деятельность этих учреждений в первые пять лет советской власти, хотя в некоторых случаях (например в очерке о Комиссии по изучению научных сил) доводит свое повествование до середины 1930-х гг.

Очерки содержат много любопытных подробностей и фактов из научной жизни и быта ученых того времени, рассказывают о проблемах, с которыми пришлось столкнуться науке и научным организациям в первые годы советской власти. Однако ряд мелких неточностей существенно снижают впечатление от текста. Например, в очерке о Зоологическом музее среди отделов, существовавших в музее в начале XX в., упоминается некий отдел геронтологии (с. 16). Геронтология, как известно, — это медицинская наука, изучающая различные аспекты старения человека, его причины и способы борьбы с ними. Автор путает ее с герпетологией, разделом зоологии, изучающим земноводных и пресмыкающихся.

Предполагаю, что причина этого — неправильно прочтенный рукописный текст. Такие ошибки иногда случаются в истории науки. Могут напомнить курьезную историю, которая произошла в 1950-е гг. и сейчас уже забыта. Тогда в работах, посвященных истории экологии, стало появляться утверждение, что автором термина «экология» является не знаменитый немецкий естествоиспытатель Эрнст Геккель, который, как всегда считалось, ввел этот термин в 1866 г. в своей работе «Всеобщая морфология организмов»³,

а американский поэт, писатель, философ и натуралист Генри Дэвид Торо. Американский историк, изучавший обширное рукописное наследие Торо, обнаружил, что последний на несколько лет раньше Геккеля упомянул слово «экология» в письме к одному из своих друзей. Довольно скоро выяснилось, что текст был неправильно расшифрован и речь в нем шла не об экологии, а о геологии. И хотя исследователь публично признал свою ошибку (в его защиту нужно сказать, что почерк у Торо был действительно ужасающий — те, кому интересно, могут найти его образцы в Интернете), еще и в 1980-е гг. в историко-экологической литературе, особенно русскоязычной, время от времени авторство термина «экология» приписывали Торо.

К сожалению, в этом же очерке я обнаружила еще одну странную ошибку (непонятно, почему ее не заметили ни рецензенты, ни редакторы). Говоря об усилиях Зоологического музея по спасению и передаче в его фонды ценных зоологических коллекций, автор среди прочего упоминает лепидоптерологическую коллекцию В. Н. Всеволожского, а в примечании поясняет, что лепидоптерологическая коллекция — это «коллекция ископаемых чешуйчатых млекопитающих» (с. 17). Что такое «чешуйчатые млекопитающие»? На ум приходят только панголины — своеобразные, напоминающие ящеров животные, обитающие в Африке и Юго-Восточной Азии. Их тело покрыто массивными чешуями, и когда при опасности они сворачиваются в шар, то становятся похожими на гигантскую шишку. В данном же случае речь идет совсем о других существах — насекомых из отряда

³ *Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. Berlin: Reimer, 1866. Bd. 2. S. 286.*

Lepidoptera (Чешуекрылые), а проще говоря, о бабочках. И, соответственно, лепидоптерологическая коллекция — это просто коллекция бабочек.

И еще два момента, вызывающие вопросы. Первый. В очерке, посвященном деятельности Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, утверждается, что к 1917 г. этот музей «являлся <...> единственным, в подобном роде, в России» (с. 23). Почему единственным? Насколько мне известно, в Москве с 1867 г. существовал Дашковский этнографический музей, созданный на основе богатейших экспонатов Этнографической выставки, а в 1915 г. Этнографический музей был открыт также при Казанском университете. Правда, в упомянутых мной музеях отсутствовали антропологические коллекции. И если дело именно в этом, то для читателя, не очень хорошо знакомого с темой, этот вопрос стоило бы пояснить, иначе он останется в твердом убеждении, что в дореволюционной России существовал всего один этнографический музей. Второй момент. В очерке о деятельности КЕПС автор называет «старейшим отечественным научно-популярным журналом» (с. 28) журнал «Природа», который выходил с 1912 г. и издание которого было возобновлено КЕПС в 1919 г. Но это не совсем верно. Этот журнал действительно является старейшим, но только из существующих ныне журналов. Научно-популярные естественно-исторические журналы издавались в России еще в XIX и даже в XVIII в. Назовем хотя бы издававшийся Московским обществом испытателей природы в 1854—1860 гг. «Вестник естественных наук» (его вдохновителем и главным

редактором был К. Ф. Рулье), журнал «Натуралист» Д. С. Михайлова, выходивший в 1864—1868 гг., журнал «Природа и охота», а до этого — периодический сборник «Природа», издававшийся Л. П. Сабанеевым. При переиздании этой книги (если авторы захотят это сделать) все указанные выше недочеты легко могут быть исправлены.

Перейдем теперь ко второй части книги. Она подготовлена Синельниковой и включает семь очерков, повествующих о жизни провинциального научного сообщества и о тех изменениях, которые приносили в него ученые и преподаватели «из центра», в основном из Петрограда и Москвы. Исследование охватывает деятельность пяти университетов Поволжья. Четыре из них — Ярославский, Костромской, Самарский и Астраханский — по определению автора «новые» и, я бы добавила, «эфемерные», так как, открывшись в 1918 г., просуществовали они совсем недолго. В 1921 г. был закрыт Костромской университет (на его базе были созданы два института — педагогический и сельскохозяйственный), в 1922 г. — Астраханский (на базе его медицинского факультета открыли медицинский институт), в 1923 г. — Самарский, а в 1924 г. — Ярославский. Пятый университет, Саратовский, имеет более продолжительную историю. Он был открыт в 1909 г., но в своем развитии имел много общего с «новыми» университетами, поскольку в полном объеме развернул свою деятельность тоже после 1917 г. (до этого в нем действовал только один медицинский факультет).

Первый очерк посвящен обзору выходивших в названных выше

университетах периодических изданий («Астраханского медицинского вестника», «Известий Саратовского университета», «Известий Самарского университета») и сборников («Сборника Ярославского государственного университета», «Обозрения преподавания наук в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете на 1919–1920 учебный год») и др. Проанализировав содержание этих изданий, автор приходит к выводу, что они являются «важным и интересным источником по истории формирования нового научно-образовательного пространства в 1917–1923 гг. <...> Дают достаточно полную картину интеллектуальной жизни российской провинции в годы социальных, экономических и политических потрясений первых после-революционных лет, отражают особенности создания и деятельности новых высших учебных заведений, позволяют проследить процессы формирования профессорско-преподавательского корпуса, создания учебных курсов, организации при университетах научных обществ и кружков» (с. 51–52).

Во втором очерке на основе материалов периодических и повременных университетских изданий автор анализирует динамику численности и персональный состав профессорско-преподавательского корпуса, его научную квалификацию, распределение по факультетам, гендерный состав, соотношение местных и приглашенных преподавателей и приходит к выводу, что Поволжье «стало одним из приоритетных регионов для внутренней миграции ученых из Петрограда и Москвы в 1917–1922 гг.» (с. 52). К сожалению,

автор не всегда четко указывает, какая часть профессорско-преподавательского состава была представлена приехавшими из центра учеными, а какая – местными (или они все были приезжими?). Не помогают разобраться в этом и приведенные в приложениях № 2 и 3 списки профессоров и преподавателей, так как первый из них не аннотирован, а во втором в большинстве случаев указана лишь специализация и то, когда и какую должность человек занимал в том или ином поволжском университете.

Возьмем для примера из аннотированного списка профессоров Самарского университета профессора М. И. Аккера. О нем сообщается следующее: «*Аккер Михаил Иванович (1869–1944)* – профессор нормальной анатомии, в 1920–1923 гг. заведующий кафедрой нормальной анатомии медицинского факультета Самарского государственного университета» (с. 121). Надо полагать, приглашенный профессор? Однако, если посмотреть биографию Аккера, то мы узнаем, что гимназию он окончил в Самаре, затем учился в Казанском и Киевском университетах, а в 1902 г. вернулся в Самару, преподавал в Самарской земской фельдшерской школе и заведовал Пастеровской станцией Самарского губернского земства, т. е. был типичным представителем провинциальной интеллигенции. Я понимаю, что составление содержательных аннотированных списков – работа тяжелая и трудоемкая, и далеко не всегда удастся найти необходимую информацию. И все же я советовала бы авторам, если они соберутся переиздать эту книгу, снабдить ее такими

списками, даже если это значительно увеличит ее объем.

Третий очерк посвящен роли петроградских ученых в создании в 1917 г. Женского педагогического института Самарского губернского земства памяти 19 февраля 1861 г., в 1918 г. преобразованного в Самарский университет, их административной, преподавательской и научной деятельности в этом учебном заведении, организации при нем различных учебно-вспомогательных структур (семинариев, библиотеки, учебно-показательного музея, палеографического кабинета и др.), а также двух научных обществ: Историко-филологического и Общества археологии, истории и этнографии.

Следующий, четвертый, очерк развивает тему, лишь кратко затронутую в предыдущем очерке. Он рассказывает о неудавшейся попытке петроградских ученых, на этот раз в содружестве с учеными из Москвы, в частности с историком и этнографом П. Ф. Преображенским, создать в 1920 г. в Самаре при Обществе археологии, истории и этнографии Археологический институт и о деятельности при том же обществе Высших археологических курсов. Их удалось сохранить даже после закрытия Самарского университета, и они проработали (под менявшимися названиями) вплоть до 1929 г.

В пятом очерке автор, основываясь на личной переписке московского этнографа, фольклориста, литературоведа Б. М. Соколова, рассказывает о научной и культурной жизни Саратова первой половины 1920-х гг., приводя интересные подробности о быте провинциальной научной интеллигенции, о научной, преподавательской и общественной

деятельности приглашенных в Саратовский университет преподавателей. Повествование охватывает период с 1919 по 1924 г., когда Соколов вернулся в Москву, чтобы занять там должность директора нового Центрального музея народоведения. Интересно, что в 1918–1919 гг., до прибытия в Саратов, он успел поработать приват-доцентом Московского университета, профессором Костромского университета и еще два месяца просидеть в Бутырской тюрьме, откуда его отпустили без предъявления обвинения. Кстати, в приложении № 2 в списке профессоров и преподавателей Костромского университета фамилия Соколова отсутствует. Может быть, потому, что он оставался там совсем недолго.

Шестой очерк посвящен трем университетским научным обществам: Обществу клинической и теоретической медицины при Астраханском университете, Историко-филологическому обществу Самарского университета и Обществу естествоиспытателей при Пермском университете, обзор деятельности которого занимает большую часть очерка. Здесь автору пришлось вывести на сцену общество при университете, который с большой натяжкой можно отнести к университетам Поволжья⁴. Причиной этого, как я понимаю, стало желание автора представить наиболее типичные по характеру своих занятий общества, и здесь без естественно-научного общества было никак не обойтись. Но оказалось, что ни при одном из «новых» университетов

⁴ Хотя Пермский край в соответствии с современным административным делением России включен в Приволжский федеральный округ, географически город Пермь расположен в Приуралье.

Поволжья подобных обществ не существовало⁵. Так что выбор был очевиден. К тому же в истории Пермского университета можно найти много параллелей с историей «новых» университетов Поволжья: как и они, этот университет был основан вскоре после революции, и в первые годы его существования в нем работали многие известные ученые — выпускники Петербургского университета (физиолог растений А. А. Рихтер, впоследствии академик АН СССР и ВАСХНИЛ, гистолог А. А. Заварзин, впоследствии академик АН СССР и АМН, зоологи В. Н. Беклемишев и Д. М. Федотов, биолог А. А. Любищев, геолог Б. К. Поленов, ботаник и альголог А. Г. Генкель и др.).

Некоторые профессора и преподаватели-естественники университета до приезда в Пермь состояли в Петербургском обществе естествоиспытателей⁶, и при организации нового естественно-научного общества они воспроизводили привычные для них образцы. Именно в этом заключалась связь пермского общества с петербургским, а совсем не в том, что оно, как утверждается в очерке, поддерживало тесные контакты с последним. Такие контакты

были маловероятны в рассматриваемый в очерке период из-за ненадежной работы почтовой и телеграфной связи и проблем с транспортом. Об этом свидетельствуют отдельные фрагменты из протоколов заседаний пермского общества⁷. Так, на заседании 2 марта 1919 г. после сообщения Поленова о юбилее Общества естествоиспытателей при Петроградском университете было постановлено «послать приветственную телеграмму Петроградскому университету и Обществу естествоиспытателей при Петроградском университете, *которые, ввиду полной отрезанности от Петрограда, будут посланы при первой возможности* (курсив мой. — Г. К.)»⁸. Аналогично относительно поздравления с юбилеем Общества естествоиспытателей при Казанском университете (заседание 25 мая 1919 г.): «...*послать при первой возможности* (курсив мой. — Г. К.) приветствие обществу»⁹.

Мне показался интересным тот факт, что на деятельности рассмотренных научных обществ, по-видимому, никак не сказались проблемы, с которыми в этот период сталкивались общества центральных регионов России¹⁰. В первую очередь то, что государство постепенно с начала 1920-х гг. стало не только брать под

⁵ Правда, на с. 88 автор упоминает Общество естествоиспытателей при Саратовском университете, но это неверно. Саратовское общество естествоиспытателей и любителей естествознания было основано в 1895 г., почти на 15 лет раньше, чем Саратовский университет, и не входило в структуру последнего.

⁶ В очерке на с. 88 присутствует очевидная опечатка. В 1919 г. Петербургское общество никак не могло отмечать свой 60-летний юбилей, так как оно было основано в 1868 г., лишь на год раньше Казанского общества естествоиспытателей, которое в 1919 г. отмечало свое пятидесятилетие.

⁷ Протоколы общих собраний общества за 1917–1923 гг. // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете. 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 8–38.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Об этом см., например: *Кривошеина Г. Г.* Судьбы российских естественно-научных обществ: первая треть века // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX в. В 2 т. / Отв. ред. Ю. М. Батулин. Саратов: ООО «Амирит», 2018. Т. 1. С. 310–345.

контроль финансовую и административно-организационную сторону их жизни, но и активно вмешиваться в круг их научных занятий. Действительно ли у власти тогда просто не дошли руки до провинциальных обществ? Какова была их дальнейшая судьба? Очерк остается как бы незаконченным и не дает ответа на эти вопросы. Надеюсь, что в своей дальнейшей работе авторы разовьют эту тему.

В последнем, седьмом, очерке на основе данных из периодических изданий Самарского, Ярославского и Костромского университетов анализируется возрастной, гендерный и социальный состав провинциального студенчества и его динамика в первые годы советской власти.

В заключение еще одно соображение. Это не критика, а, скорее, повод для размышления. Очерки, представленные в книге «На пути к новому научно-образовательному пространству в первые годы советской власти», ранее были опубликованы в различных журналах. Очень хорошо, что авторы решили объединить их под одной обложкой, так как собранные вместе они дают читателю более полную и широкую картину жизни отечественной науки 1920-х гг. и одновременно демонстрируют некоторые издержки использования в данном случае модели, фокусирующейся на связях центр — периферия. Концентрируя свое внимание исключительно на взаимодействии «столичных центров науки» с «провинциальным научным сообществом», авторы очевидно испытывают серьезные трудности и неудобства в построении логичной и непротиворечивой схемы таких взаимодействий. Если в первой части

книги в качестве «центра» выступает Академия наук, точнее, различные академические подразделения, то во второй части ее приходится заместить Петроградским университетом (иногда вместе с Московским университетом), а академия практически полностью выпадает из нарратива и представлена лишь одним своим действительным членом — филологом и историком литературы В. Н. Перетцем, который принимал непосредственное участие в организации историко-филологического факультета Самарского университета и в создании при этом университете Историко-филологического общества и Общества археологии, истории и этнографии с Высшими археологическими курсами. Не совсем однозначно обстоит дело и с репрезентацией провинциального научного сообщества. В первой части оно почти не присутствует и определяется (см. очерк о Зоологическом музее АН) как «актив на местах», «энтузиасты», «внештатные сотрудники». К этому весьма неопределенному кругу представителей периферии отнесены не только провинциальные ученые, например живший в Приморском крае герпетолог А. А. Емельянов и зоолог, исследователь Байкала и основатель Байкальской биостанции В. Ч. Дорогостайский, но и коренной петербуржец А. П. Штакельберг, юрист, энтомолог-любитель. Он занимал в описываемый период должность управляющего делами Академии наук. Добавлю, что сын А. П. Штакельберга, А. А. Штакельберг, классик отечественной и мировой диптерологии¹¹, с 1920 г. был

¹¹ Диптерология — раздел энтомологии, изучающий насекомых отряда *Diptera* (Двукрылые), т. е. комаров и мух.

сотрудником Зоологического музея АН. Во второй части провинциальное научное сообщество приобретает вполне зримые очертания. Но еще большую определенность могли бы ему придать полноценно аннотированные списки профессоров и преподавателей.

Попытка представить систему научных и образовательных учреждений как некую централизованную структуру с единственным центром в виде Академии наук приводит к тому, что в тексте даже не упоминаются другие организации, имевшие тесные связи с провинцией и существовавшими там научными сообществами. В первую очередь это петроградские научные общества, имевшие региональные отделения: Русское географическое общество, Русское физико-химическое общество, Русское техническое общество¹². Среди московских научных обществ следует назвать Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) и Русское общество акклиматизации животных и растений. ОЛЕАЭ с момента своего возникновения¹³ развивало и поддерживало тесные связи с провинциальной интеллигенцией и, шире, с представителями всех сословий, желавшими в той или иной форме способствовать деятельности общества. Еще в середине

1860-х гг. в обществе были подготовлены инструкции по сбору коллекций (минералогических, ботанических, энтомологических, антропологических и др.), которые бесплатно рассылались не только в провинциальные научные общества и кружки, но и всем желающим индивидуально. Эту деятельность оно продолжало и после революции.

И еще несколько слов об университетской системе. Как известно, в России в соответствии с образовательной реформой Александра I были созданы учебные округа, главными научными и образовательными центрами которых стали университеты. Сначала округов было шесть, а в 1915 г. — уже 15 (в шести из них собственных университетов не было). Университетская система не имела выраженной иерархии, т. е. все университеты были равноценны по своему статусу, а их компетенции ограничивались пределами их учебного округа. Учитывая это, говорить о центральных и периферийных (провинциальных) университетах наверно было бы не совсем корректно. В 1917 г. учебные округа были упразднены, а в 1918–1919 гг. стали появляться новые университеты, причем создавались они не только на территории тех округов, где ранее университеты отсутствовали (в Тбилиси, Ереване, Баку, Ташкенте, Перми), но и там, где они уже были. Пример последнего — четыре новых университета Поволжья, деятельность которых рассматривается в данной книге. Все они были основаны на территории бывшего Казанского учебного округа, поэтому интересно было бы посмотреть, какую роль Казанский университет играл в этом процессе и насколько

¹² В этот перечень не включено старейшее в России Вольное экономическое общество, имевшее широчайшие связи с провинциальными аграриями, так как в 1915 г. под давлением властей оно значительно сократило свою деятельность, а в 1919 г. полностью прекратило ее.

¹³ ОЛЕАЭ было создано в 1863 г. и существовало до 1930 г., когда официально оно было слито с Московским обществом испытателей природы, а фактически уничтожено.

активно участвовали в нем выпускники и профессорско-преподавательский состав этого университета. Но все это — предложение для будущего исследования, и я надеюсь, что авторы продолжат свою работу в этом направлении.

Книга Е. Ф. Синельниковой и В. С. Соболева «На пути к новому

научно-образовательному пространству в первые годы советской власти» представляет интерес для всех, кого интересует история науки и образования в России. Советую будущему читателю обратить внимание на отличные, со вкусом подобранные иллюстрации, которые даны в приложении.